

Сокращенная историческая хрестоматия

Часть 1

УДК 93
ББК 63.3
С59

С59 Сокращенная историческая хрестоматия: Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 528 с.

ISBN 978-5-458-31432-9

Не потерявшее актуальности отличное пособие для изучения народной словесности и истории древнерусской литературы. Одиннадцатитомная «Историческая хрестоматия» в начале XX века являлась одним из лучших и качественных учебных пособий в российской средней школе, предназначалась она для учеников и преподавателей. Однако из-за обилия материала и дороговизны этот многотомник имел ограниченное применение среди учащихся. По этой причине специально для учеников В. Покровский выпустил «Сокращенную историческую хрестоматию» как пособие при изучении русской словесности. Предлагаемая Вашему вниманию первая часть этого издания составлена из статей первых трёх выпусков «Исторической хрестоматии» и содержит материалы по двум основным темам - народной словесности и истории древнерусской литературы (книжной словесности). Среди авторов «Хрестоматии» ведущие российские историки и слависты - И. Снегирев, И. Забелин, Н. Костомаров, Ф. Буслаев, А. Сахаров, А. Пыпин, Е. Барсов, А. Пыпин и другие.

ISBN 978-5-458-31432-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	<i>Стран.</i>
Языческая религія русскихъ славянъ, <i>Забѣлина</i>	1
Праздники языческихъ славянъ, <i>Костомарова</i>	10
Святѣлища и обряды языческаго богослуженія славянъ, <i>Срезневскаго</i>	18
Борьба началъ свѣта и тьмы по воззрѣніямъ славянъ, <i>Лованасьева</i>	24
О поэзіи, <i>Бодяискаго</i>	29
Значеніе народной поэзіи, <i>Буслаева</i>	31
Значеніе народныхъ пѣсенъ, <i>Костомарова</i>	32
Природа въ поэзіи, <i>его же</i>	33
Отношеніе европейскихъ народовъ къ народной поэзіи, <i>его же</i>	35
Періоды въ развитіи народной словесности, <i>Порфирьева</i>	36
Коляда, <i>его же</i>	39
Красная горка и Радунѣца, <i>Сазарова</i>	41
Семиць, <i>Соловьева</i>	44
Семиць, <i>Снегирева</i>	45
Семиць, <i>Сазарова</i>	47
Купальскія травы, <i>Тереценко</i>	48
Ярила, <i>Ефименко</i>	49
Троицынъ день, <i>Сазарова</i>	51
Свадебные обряды и пѣсни, <i>Сумцова</i>	53
Бытовые пѣсни, <i>Караулова</i>	55
Свадебныя пѣсни, <i>Снегирева</i>	58
Значеніе окружающей природы въ созданіи мѣтовъ, <i>Буслаева</i>	59
Главныя основы и процессъ образованія народнаго эпоса, <i>его же</i>	61
Историческое развитіе характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса, <i>его же</i>	63
Внѣшнее и внутреннее единство богатырскаго эпоса, древнѣйшія и позднѣйшія условія, опредѣлившія характеръ его, <i>О. Миллера</i>	65
Измѣненіе былинъ подъ вліяніемъ времени, <i>Майкова</i>	67
Значеніе былинъ, <i>Буслаева</i>	68
Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи, <i>Квашнина-Самарина</i>	70
Народный бытъ и поэзія предъ судомъ современной литературы, <i>Буслаева</i>	76
Старшіе богатыри, <i>его же</i>	81
Стихійные богатыри рѣкъ и мѣстеческія представленія животныхъ, <i>Буслаева</i>	83
Святогоръ, <i>О. Миллера</i>	84
Вольга-Буслаевичъ, <i>его же</i>	85
Женщина-героиня древнѣйшаго и позднѣйшаго народн. эпоса, <i>Буслаева</i>	86
Женскіе типы въ былинахъ, <i>Майкова</i>	90
Младшіе богатыри и ихъ историческая эпоха, <i>Буслаева</i>	92
Характеристика былинъ Владимірова цикла, <i>Майкова</i>	94
Время и мѣсто сложенія былинъ Владимірова цикла и ихъ историческое и нрав- ственное значеніе для народа, <i>его же</i>	94

	Стран.
Значеніе Кіева въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ, <i>Буслаева</i>	98
Илья Муромецъ, <i>Майкова</i>	100
Добрыня Никитичъ, <i>его же</i>	103
Новгородскіе богатыри, <i>Буслаева</i>	105
Василій Буслаевъ, <i>Костомарова</i>	106
Историческія пѣсни, <i>Караулова</i>	116
Художественно-бытовое значеніе сказки, <i>Котляревскаго</i>	118
Правственное и педагогическое значеніе сказокъ, <i>Аванасьева</i>	119
Процессъ образованія и видоизмѣненія сказки, <i>Буслаева</i>	121
Отличіе сказки отъ былинны, <i>О. Миллера</i>	123
Различіе между сказками и пѣснями (былинами), <i>К. Аксакова</i>	125
Отношеніе сказки къ другимъ видамъ эпической поэзіи, <i>О. Миллера</i>	127
Значеніе сказокъ по отношенію къ животному эпосу, <i>Пыпина</i>	128
Заклинанія, <i>Ефименко</i>	131
Главнѣйшіе періоды въ историческомъ развитіи пословицы, <i>Буслаева</i>	133
Мифологическое и эпическое значеніе пословицы, <i>его же</i>	134
Загадки и пословицы, <i>Садовникова</i>	136
Погребальныя почести въ сознаніи индо-европейскихъ народовъ, <i>Котляревскаго</i>	138
Значеніе похоронныхъ причитаній русскаго народа, <i>Е. Барсова</i>	140
Возвръненія славянъ-язычниковъ на душу и ея загробное существованіе, <i>Котляревскаго</i>	141
Погребальныя обычаи языческихъ славянъ, <i>его же</i>	145
Происхожденіе апокрифовъ, <i>Порфирьева</i>	151
Распространеніе, характеръ и значеніе апокрифовъ, <i>его же</i>	152
Голубиная книга, <i>О. Миллера</i>	155
Егорій Храбрый, <i>О. Миллера, Порфирьева</i>	158
Св. Георгій въ представленіи славянскихъ народовъ, <i>Фоминицына</i>	165
Егорьевъ день, <i>Кирпичникова</i>	168

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Большое значеніе въ исторіи нравственныхъ силъ и значеніе первоучителей славянскихъ въ исторической жизни и развитіи племенъ, <i>Иванцова-Платанова</i>	171
Кирилль и Мефодій въ ихъ апостольской дѣятельности, <i>Е. Барсова</i>	173
Значеніе славянскихъ первоучителей для русскаго народа, <i>его же</i>	179
Значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго литературнаго, <i>Буслаева</i>	182
Вліяніе христіанства на нравы и вѣрованія народа, <i>Знаменскаго</i>	184
Общій характеръ и направленіе древне-русской книжной, словесности, <i>Порфирьева</i>	186
Блестящій языкъ болгарской письменности, <i>Палаузова</i>	190
Вліяніе Византіи на Русь, <i>Пыпина</i>	195
Поученіе Луки Жидята, <i>Митр. Макарія</i>	208
Слово Иларіона «О законѣ и благодати», <i>его же</i>	209
Значеніе словъ Иларіона и Луки Жидята, <i>О. Миллера</i>	216
Сочиненія Феодосія, <i>Е. Голубинскаго</i>	217
Значеніе поученій Феодосія, <i>О. Миллера</i>	219
Преподобный Феодосій, какъ писатель, <i>Митр. Макарія</i>	220
Кирилль туровскій и его проповѣди, <i>О. Миллера</i>	221
Содержаніе и анализъ словъ Кирилла туровскаго, <i>Шевырева</i>	223
Построеніе и характеръ словъ Кирилла туровскаго, <i>Митр. Макарія</i>	228
Библейское и византійское вліяніе въ сочиненіяхъ Кирилла туровскаго, <i>Сузомлинова</i>	—

	Стран.
Поученія Серапіона, епископа владимирскаго, <i>Порфирьева, Митр. Макарія.</i>	232
Составъ и характеръ лѣтописи, <i>Сухомлинова.</i>	235
Характерныя черты нашей древней лѣтописи, <i>Соловьева.</i>	247
Литературное значеніе лѣтописи Нестора, <i>Порфирьева.</i>	250
Убѣжденія лѣтописца, <i>Срезневскаго.</i>	254
О русскихъ лѣтописяхъ, <i>Костомарова.</i>	257
Значеніе лѣтописи въ общественной жизни нашихъ предковъ и различные ея виды (государственная, семейная, монастырская и литературная), <i>Бл-лева.</i>	260
Содержаніе Поученія Владимира Мономаха, <i>Соловьева.</i>	267
Содержаніе и значеніе Поученія Владимира Мономаха, <i>Протопопова.</i>	268
Владимиръ Мономахъ по лѣтописи, <i>О. Миллера.</i>	278
Владимиръ Мономахъ по лѣтописи, <i>Протопопова.</i>	279
Общее содержаніе, идея и форма Слова о полку Игоревѣ, <i>Е. Барсова.</i>	281
Общій характеръ и духъ Слова, <i>Максимовича.</i>	286
Историческая сторона Слова, <i>Порфирьева.</i>	295
Поэтическая сторона Слова, <i>Шевырева.</i>	297
Образъ выраженія Слова, <i>Максимовича.</i>	300
Личность и міросозерцаніе пѣвца Слова о полку Игоревѣ, <i>Стоюнина.</i>	306
Путешествіе игумена Данила, <i>Е. Голубинскаго.</i>	309
Паломничество, <i>Иконникова.</i>	312
Паломничество на Руси, <i>Тихонравова.</i>	315
Паломничество и крестовые походы, <i>Терновскаго.</i>	316
Слово Данила Заточника, <i>О. Миллера.</i>	319
Слово Данила Заточника, <i>Порфирьева.</i>	320
Симонъ и Поликарпъ, <i>Викторовой.</i>	323
Посланія Симона и Поликарпа и значеніе Кіевопечерскаго патерика, <i>Митр. Макарія.</i>	327
Патерикъ и его содержаніе, <i>Е. Голубинскаго.</i>	333
Житія въ отношеніи къ другимъ литературнымъ памятникамъ, <i>Булассава.</i>	341
Иночество и его идеалы, <i>Терновскаго.</i>	342
Значеніе Кіевопечерскаго монастыря, <i>Митр. Макарія и Шевырева.</i>	343
Культурное значеніе монастырей, <i>Иконникова.</i>	345
Образовательное значеніе монастырей, <i>его же.</i>	346
Нравственное значеніе монастырей, <i>его же.</i>	349
Повѣданіе о Задонскомъ боѣ, <i>Тимофеева.</i>	350
Задонщина, <i>его же.</i>	354
Слово о Дмитріи Ивановичѣ, <i>его же.</i>	361
Объ историческихъ повѣстьяхъ и сказаніяхъ, <i>Пылина.</i>	362
Содержаніе повѣсти о Царьградѣ и ея значеніе, <i>Срезневскаго.</i>	366
Содержаніе Хожденія за три моря Аванасія Никитина, <i>Шевырева.</i>	373
Значеніе Хожденія за три моря Аванасія Никитина, <i>И. Срезневскаго.</i>	377
Нравственно-обличительныя сочиненія Максима Грека, <i>Иконникова.</i>	378
Максимъ Грекъ, какъ писатель, <i>Митр. Макарія.</i>	389
Церковныя настроенія и постановленія Стоглаваго собора, <i>Соловьева.</i>	392
Характерныя предписанія Домостроя, <i>его же.</i>	397
Содержаніе Сильвестрова Поученія сыну и характеристика автора, <i>его же.</i>	401
Значеніе Домостроя, <i>Порфирьева.</i>	405
Записки Курбскаго о Грозномъ, <i>Лашинкова.</i>	407
Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его исторіи, <i>Соловьева.</i>	408
Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, <i>Водовозова.</i>	412
Дѣятельность іезуитовъ въ западно-русскомъ краѣ, <i>Митр. Макарія.</i>	416
Вліяніе іезуитовъ на просвѣщеніе въ Польшѣ, <i>Петарскаго.</i>	424
Вліяніе Польши на просвѣщеніе юго-западной Руси, <i>его же.</i>	425

	<i>Стран.</i>
Православныя церковныя братства въ юго-западной Россіи, <i>Флерова</i>	431
Кіево-могилинская коллегія, <i>Аскоченскаго</i>	436
Кіево-могилинская коллегія и ея значеніе въ XVII вѣкѣ, <i>Митр. Макарія</i> . . .	447
Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка и ея представителя, <i>Сумцова</i>	453
Построеніе южно-русской проповѣди, <i>Терновскаго</i>	456
Источники южно-русской проповѣди, <i>его же</i>	464
«Ключъ разумѣнія» Галитовскаго, <i>Сумцова</i>	476
Наука о проповѣдяхъ и проповѣди Юанникія Галитовскаго, <i>Порфирьева</i> . . .	478
Среднебѣковыя мистеріи въ Европѣ и Россіи, <i>Пекарскаго</i>	483
Вертепная драма, <i>Тихонравова</i>	487
Южно-русская драма, <i>Архангельскаго</i>	493
Драма въ Москвѣ, <i>его же</i>	500
Школьная драма, <i>Тихонравова</i>	507
Пolemическая борьба вѣнскихъ ученыхъ съ московскими въ XVII ст., <i>Образцова</i> . .	509

Народная словесность.

Обрядовыя и бытовыя пѣсни.

Языческая религія русскихъ славянъ.

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многоразличіе его божествъ вполне зависѣло отъ многоразличія явленій самой жизни. А онъ, исполненный чувства жизни, встрѣчалъ ея обликъ повсюду, и не было предмета въ окружающемъ мірѣ, который бы не свѣтился ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрывался источникъ языческаго удивленія и поклоненія матерн-природѣ, источникъ такъ называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго міровоззрѣнія, пониманія всѣхъ вещей: тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія; тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, поэзію, онъ видѣлъ самое божество.

Его небо, его солнце съ своей недосыгаемой высоты глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви и заботились обо всемъ, чего только желалъ этотъ робкій, но очень внимательный ихъ сынъ. Ихъ случайный гнѣвъ былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтищу были безпредѣльны. Свѣтлыя звѣзды наблюдали самый часъ рожденія этого дѣтища и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемый разговоръ, или призывая на свои поля и въ свою хранину ея благодать и всякое добро, или отгоняя отъ себя ея вражду и ненависть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что, обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первые познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые

образы поэтического религіознаго чувства, язычникъ въ своей мнѣологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражать и изображать только то, что существовало передъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, права и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдающій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его мнѣя, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественаго и политическаго во всѣхъ подробностяхъ. Чего не существуетъ въ странѣ и въ быту язычника, того не существуетъ и на его Олимпѣ, въ святилищѣ его боговъ, въ кругу его мнѣическихъ созерцаній.

На европейской почвѣ особенное поэтическое богатство мнѣологіи выразилось въ двухъ мѣстахъ: на греческомъ югѣ и скандинавскомъ сѣверѣ; и тамъ и здѣсь на средиземныхъ моряхъ. Выразилось оно въ равной мѣрѣ сильно по той причинѣ, что и тамъ и здѣсь человѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинакія условія мѣстности и жизни. Полуостровная и многоостровная приморская страна, очень богатая просторомъ мореходства и передвиженія во всѣ окружающія мѣста, и тамъ и здѣсь умножила человѣка и самымъ дѣломъ и еще болѣе воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Отсюда, конечно, самъ собой нарождалися и поэтической просторъ для міросозерцанія и для могущества народной фантазіи. Однако, природа той и другой страны наложила неизгладимую печать на мнѣическое творчество человѣка и рѣзко обозначила предѣлы и характеръ суроваго и мрачнаго сѣвера Скандинавіи и свѣтлаго и любовнаго юга Греціи. Принесенные изъ далекой прародины первичныя мнѣя этихъ европейцевъ и на сѣверѣ и на югѣ были воздѣланы въ томъ особомъ характерѣ, какой дала сама природа каждой страны. Точно такъ и пришедшіе въ наши мѣста славяне, живя въ этой равнинѣ, подъ этимъ небомъ, должны были воздѣлывать свое принесенное переродное міросозерцаніе въ томъ особомъ характерѣ, какимъ отличалась сама аѣвская природа. Русская природа не изумляла человѣка своими дивами. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманіе, она не представляла ни для мысли ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду разнообразное раздолье на югѣ злато-чистаго поля, на сѣверѣ — дикаго дремучаго лѣса и болота. И тамъ и здѣсь пытливая мысль ни гдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то разнѣ одна безмѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, убѣгая въ этотъ глубокій, однообразный, неподвижный просторъ, совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолвствуютъ,

какъ сама пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо растопляется какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ такой красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятся его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль міроваго пространства. Для поэтического міра созерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ недоставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе мѣстнаго творчества. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые боги должны были отличаться тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которая охватываютъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвиганія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помислы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ же, посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера; ихъ высокіе, крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеной колодець, родникъ, орошающій наше поле: глубокой, поросшей лѣсомъ оврагъ или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ-либо спокойно лежащая посреди чистаго поля — вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высъ и въ даль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отъ чего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера; солнце наше не горитъ египетскимъ или индійскимъ огнемъ, и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Спиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка, была гроза, громовая туча, сверкающая молніями. Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ, было первою причиною, которая заставила почувствовать небесное существо вполне живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозной всемогущей образъ. Повсюду человѣкъ его понималъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы, и потому явленіе грозы тамъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба.

и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единственнымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ казалось господиномъ неба и земли. Нѣтъ сомнѣнія, что и мнѣ и имя Перуна славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдалившись отъ своихъ азіатскихъ родичей, вѣроятно, еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ.

Оттуда они принесли и имя Сварога, который означалъ небо, свѣтъ небесный; означалъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что небесный сводъ, какъ пространство, невозможно было представить въ опредѣленныхъ, законченныхъ чертахъ какого-либо живого образа. Это былъ богъ неба, богъ-свѣтъ, какъ обнаруживается и по корнямъ Сварогова имени. Это былъ прабогъ, великій старѣйшій богъ, небесное естество. Можно полагать, что другіе боги неба, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особые образы того же Сварога — неба, были только Сварожичами, дѣтьми Сварога, почему въ представленіяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцомъ. Вотъ почему византиецъ Прокопій еще въ половинѣ IX вѣка могъ весьма справедливо замѣтить, что славяне поклонялись единому Богу, единому вселенной, творцу молніи. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ возрѣвшіи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и донынѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все-таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Поэтому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога.

Очевидно, что въ мнѣ Перуна язычникъ поэтически олицетворилъ жизнь неба, т.-е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представленія о жизни земли, какъ эта земля проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожденія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производить на землѣ дѣйствительныя чудеса, и если въ единичныхъ случаяхъ грозить и поражаетъ, зато въ общемъ своимъ дѣйствіемъ разноситъ и разноситъ по всей землѣ явную благодать плодородія и всякаго земнаго обилія. Только въ этомъ живомъ образѣ небеснаго божества язычникъ явственно могъ подмѣтить благое плодородящее спусхожденіе неба на землю и потому обоготворилъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совѣтъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно про-

ходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо — звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна: это какъ бы зависящее, подчиненное ему свѣтило, которое, очевидно, сынъ Сварога, Дажь-богъ, какъ именуется его лѣтопись и поэтическое Слово объ Игорѣ. Дажь происходитъ отъ санскритскаго dag, горѣть, жечь, и родственно съ готскимъ dags, Tag — день, и съ славянскимъ (хорутанскимъ) дъ жница — ранняя зоря, слѣдовательно, это богъ — Свѣтъ-День.

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Кирось, Корось, Курось; ново-персидское Хоръ или Хуръ — имя, вообще указывающее на тѣсныя связи и сношеніе восточныхъ славянъ съ древне-персидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Но въ славянскомъ миѣическомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имени и по корнямъ и по смыслу. Это Къртъ — огонь, свѣтъ, солнце, а также слово Кръсъ, означающее пламя, огонь. Съ миѣическимъ именемъ Хорса связаны слова хороводъ или короводъ.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичъ — Огонь, въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое миѣическое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно.

Въ сонмѣ русскихъ миѣовъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ-Дажь-богъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ, подлѣ Перуна, Волоса, или, какъ у западныхъ славянъ, Велеса, скотьяго бога. По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ солнце, т.-е. новое имя того же Хорса-Дажь-бога. Подобно Аполлону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно такъ же игравшій на гусяхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусярь, именуется (въ Словѣ о полку Игоревомъ) внукомъ Велеса. Какъ скотскій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ русской земли состоялъ изъ мѣховъ и звѣрпныхъ шкуръ.

Въ лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ Словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства упоминается еще божество Стри-богъ, существо котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками, слѣдовательно, и самъ дѣдушка былъ вѣтеръ. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, миѣи-

ческое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ которыхъ трудно объяснить.

Чтобы яснѣе себѣ представить живой образъ cadaго мѣа, т.-е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или другой мнѣческой образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ, въ сущности, только единое существо — онъ обожалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлять себѣ въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если выпикнемъ въ смыслъ мнѣовъ, еще доселѣ живущихъ подъ именами домового, водяного, лѣснаго, русалки и т. п. Всѣ они — представители или выразители языческихъ и болѣе всего поэтическихъ понятій и представлений о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ, въ образѣ домового олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій воли домашняго очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добѣветъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего полниается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняй и что ни дѣлай. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Съ другой стороны, въ образѣ домового олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и всяческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Извѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляють какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согревающая во время холода, изготовляющая всякую едъ, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе челоѣку. Огонь и безъ того является живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Очевѣдно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ въ старую печь въ новую съ привѣтомъ: «Милости просимъ, дѣдушка, на новое жильѣ!»

Обыкновенно домовой живетъ за печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Его вообще покармливаютъ, какъ челоѣка, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками; оставляють ему на ночь накрытый ужинъ. Но важнѣйшая для него жертва — это пѣтухъ. Эта жертва его вполне удовлетворяетъ, если онъ чѣмъ-либо раздраженъ. Тогда въ полночь колдунъ рѣжетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голыя и голыкомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ